

Лица в коридоре

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иван Андреев

18+

Иван Андреев

Лица в коридоре

<https://litres.ru/74217973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о людях, которых автор встретил в психиатрическом отделении. У каждого из них была своя логика, страх, надежда и собственный способ пережить происходящее. Кто-то считал, что вся еда состоит из воды. Кто-то мастерил инструменты из картона. Кто-то сам просил, чтобы его привязали. Кто-то боялся выписки сильнее, чем больницы.

Здесь будет смешно, тяжело, абсурдно и временами страшно. Но прежде всего это книга о людях, которых слишком легко назвать диагнозом, проблемой или неудобством.

Это не путеводитель по больнице. Это попытка сохранить лица тех, кто однажды оказался в одном длинном коридоре - и остался в памяти автора гораздо дольше, чем рассчитывал.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Андреев

Лица в коридоре

Глава

Книга содержит обсценную лексику, упоминания психических расстройств, зависимостей, тяжёлых состояний и суицидального кризиса. Самоубийство не рассматривается как выход или допустимое решение.

Текст основан на личном опыте автора. Все описанные истории относятся к периоду, когда автор сам находился в отделении как пациент.

Имена и отдельные узнаваемые детали изменены. Некоторые события переставлены по времени. Текст не предназначен для установления личности конкретных пациентов или сотрудников.

Автор рассказывает только о собственных наблюдениях, разговорах и впечатлениях того периода. Сведения, ставшие известными позднее при обучении или исполнении профессиональных обязанностей медицинского работника, в книгу не включены.

Это художественно-документальная проза, а не медицинское заключение. Упоминания диагнозов и состояний пере-

дают понимание автора на момент событий и не заменяют профессиональную диагностику.

Пролог

За спиной - дурка. Впереди - будущее и надежда.

По крайней мере, именно так мне хотелось сформулировать происходящее.

К моменту, когда я начал эту книгу, заявление на развод было подано. С прежней работы я ушёл. Получил удостоверение младшей медицинской сестры по уходу за больными и разослал резюме по психоневрологическим диспансерам и больницам.

Параллельно мне предложили попробовать себя в музыкальной индустрии.

Получалось, что передо мной лежало сразу несколько дорог. Одни вели обратно в психиатрию, другие - к музыке. Некоторые, вероятно, вели в очередную жопу, просто пока выглядели достаточно живописно.

Я учился жить без человека, вокруг которого пятнадцать лет строил большую часть собственной жизни.

Учился разговаривать с детьми после месяца отсутствия.

Учился не пытаться исправить всё немедленно.

Сходил на исповедь и причастие, хотя ещё недавно сама мысль об этом показалась бы мне довольно неожиданным сюжетным поворотом.

Первая книга была о том, как я оказался в психиатриче-

ской больнице, потерял почти всё и постепенно начал вспоминать, кто я такой.

Но я был там не один.

Вокруг меня всё это время находились люди.

Они кричали.

Смеялись.

Ругались.

Просили сигарету.

Придумывали собственные миры.

Пытались вернуться в наш.

Кто-то помогал мне, сам того не замечая. Кому-то пытался помочь я. Кто-то вызывал жалость. Кто-то нежность. Кто-то желание обнять. А кто-то - исключительно желание оказаться в противоположном конце коридора.

В первой книге они появлялись фрагментами. Как часть моего собственного пути.

Теперь мне хочется остановиться и рассмотреть их внимательнее.

Это не продолжение больничного дневника и не медицинский справочник. Я не знаю точных диагнозов большинства героев и не собираюсь изображать из себя врача.

Скорее это путеводитель по людям.

По лицам, которые остались в памяти после того, как закрылась дверь отделения.

Ну и, наверное, немного по мне самому. Потому что невозможно долго смотреть на других и совсем ничего не

узнать о себе.

В первой книге я пытался найти себя.

В этой попробую не потерять остальных.

Глава 1. Вода

Сашу я заметил почти сразу.

Он ходил по коридору босиком, в клетчатой больничной пижаме, и выглядел так, будто при желании мог вынести дверь вместе с косяком.

Широкие плечи.

Крупные руки.

Тяжёлая походка.

На вид - человек, с которым лучше заранее договориться мирно.

Позже мне рассказали, что раньше Саша служил, потом работал охранником. Что-то произошло с мозгом. Повреждение оказалось тяжёлым и, насколько я понял, необратимым. За последний год он сильно ухудшился.

Но в первые дни я этого не знал.

Я просто видел большого мрачного мужика, который ходил по отделению и рассказывал, что еды не существует.

- Сегодня обеда не будет, - сообщил он мне однажды.

- Почему?

- Потому что мы роботы.

Ответ прозвучал настолько уверенно, что я на секунду задумался, не пропустил ли важное объявление по внутренней

связи.

- А роботов не кормят?

Саша посмотрел на меня с сожалением.

- Ты что, долбоёб? Роботы не едят.

Логично.

Поспорить было трудно.

Однако через некоторое время нас позвали в столовую.

Саша идти отказался.

- Там всё равно вода.

- В смысле?

- Картошка - вода. Капуста - вода. Морковь - вода. Всё вода.

Завести его за стол бывало непросто. Он упирался, пытался уйти, объяснял, что не ел уже пять лет и прекрасно себя чувствует.

Но когда его всё-таки усаживали и ставили перед ним тарелки, происходило чудо.

Саша ел.

Не лениво и не из вежливости.

Он ел с такой сосредоточенностью, будто пять лет действительно ждал именно этого обеда.

Суп исчезал.

Второе исчезало.

Тарелка выскребалась почти до заводской маркировки.

Хлеб Саша съедал весь. Иногда забирал оставшиеся куски с собой и шёл по коридору, продолжая жевать.

Через несколько минут его спрашивали:

- Сань, поел?

- Нет.

- Мы же только что из столовой вышли.

- Обманули.

- Чем?

- Воду дали.

Получалось, что суп, каша, мясо и хлеб не считались. Всё являлось водой, а вода, как известно, едой не является.

Иногда Саше приносили передачи.

Обычно там лежал большой пакет печенья.

Он запускал внутрь обе руки, доставал сразу горсть и за-
талкивал в рот. Крошки сыпались на пижаму, пол и всё окру-
жающее пространство. Сам пакет он прижимал к себе так,
будто отделение могло в любую секунду пересмотреть право
собственности.

- Сань, вкусно?

- Нет.

- А чего ешь?

- Это вода.

После йогурта он говорил, что его обманули.

После кефира - тоже.

После печенья - особенно.

Однажды Саша решил наглядно объяснить мне устрой-
ство питания.

Он взял пластиковую бутылку, подошёл к крану, напол-

нил её водой и выпил почти залпом.

Потом показал пустую бутылку.

- Вот и считай, две тарелки супа съел.

Аргумент был подкреплён экспериментом и потому звучал особенно убедительно.

Поначалу я Сашу избегал.

Он был крупным, непредсказуемым и постоянно находился внутри системы взглядов, где я мог в любой момент оказаться неисправным роботом.

Потом начал с ним разговаривать.

Ещё позже мне стало интересно заводить его собственную логику в тупик.

Однажды мы сидели перед телевизором.

Саша внимательно посмотрел на экран, потом на меня.

- Нам всем пизда, да?

- Да, Сань, пизда.

Он кивнул.

- Ужина не будет.

- Почему?

- Мы роботы.

- Сань, если мы роботы, почему ты сегодня хлеб ел?

- Не ел.

- Я видел.

- Ты долбоёб.

- Согласен. Но хлеб-то ты ел.

Саша замолчал.

Посмотрел на телевизор.

Потом снова на меня.

Внутренняя система дала сбой, но довольно быстро восстановилась.

- Всё равно не ел.

Со временем я понял, что пытаться победить его в споре бессмысленно.

Можно было лишь ненадолго запутать маршруты внутри его головы.

И всё же иногда сквозь эту сложную конструкцию появлялся прежний Саша.

У него была удивительно красивая улыбка.

Не голливудская и не похожая на молодого Алена Делона, как можно было бы написать для красоты. Скорее в ней было что-то от Караченцова - широкое, живое, почти мальчишеское.

Однажды я спросил:

- Сань, а тазик пельмешков съел бы?

Он посмотрел на меня.

На секунду задумался.

И улыбнулся.

- Съел бы.

- А говорил, роботы не едят.

Саша снова улыбнулся.

После этого я периодически заводил с ним разговоры о пельменях.

О женщинах.

О бане.

О простых радостях, которые, вероятно, существовали в его жизни раньше.

Не для того, чтобы проверить память или доказать медицинскую теорию.

Мне просто хотелось снова увидеть эту улыбку.

Саша мог утверждать, что не спит двое суток, потому что находится на смене.

Мог не помнить обед, который закончился пять минут назад.

Мог считать еду водой, а людей роботами.

Но стоило заговорить о тазике пельменей, и внутри робота на несколько секунд снова появлялся Саша.

Глава 2. Бригадир

Антошку я заметил ещё в первый день своего осознанного пребывания в коридоре.

Сначала решил, что ему лет шестнадцать.

Маленький.

Смешной.

С заметной задержкой развития.

Тело у него будто сложили треугольником: широкие плечи, почти отсутствующий таз и тонкие ноги. Глаза смотрели немного в разные стороны, речь была невнятной, а во рту, казалось, существовало несколько рядов зубов, которым ста-

ло тесно в одной челюсти.

Антошка был местным талисманом.

Его любили санитарки.

Подкармливали медсёстры.

Пациенты могли ругаться на него, отбирать украденное и обещать прибить, но через десять минут всё равно угощали печеньем.

Сладкое Антошка любил больше большинства людей, которых я встречал.

А ещё он любил картон.

Из картона Антошка делал телефоны.

Планшеты.

Ноутбуки.

Инструменты.

Для производства он использовал всё, что удавалось найти: коробки, обложки старых книг, упаковки и прочие материальные ценности, которые сестра-хозяйка по какой-то причине считала своими.

Поэтому картон приходилось добывать тайно.

Антошка заходил в хозяйственную комнату с выражением человека, который просто проходил мимо, а выходил уже с частью будущего технологического прорыва под пижамой.

Кроме картона он воровал носки.

Носки натягивал на свои изделия, использовал как чехлы или надевал на себя по несколько пар.

За это получил прозвище Тряпочный Маньяк.

Однажды в одной из передач моя мама прислала мне пару красных носков.

Антошка заметил их почти сразу.

Я отдал ему один, а второй оставил у себя и пообещал вручить перед выпиской, если он будет хорошо себя вести.

На некоторое время красный носок превратился в важнейший инструмент воспитания.

- Антош, не воруй.

- А носок?

- Перед выпиской.

- Красный?

- Красный.

- Хорошо.

Примерно через десять минут он снова что-нибудь воровал.

По уровню развития Антошка уступал моей шестилетней дочери.

Он не умел нормально читать.

Писал с большим трудом.

Плохо понимал время, деньги и устройство мира за пределами отделения.

Но он понимал, что у других людей есть мама.

У Антошки её никогда не было. Он её не видел и не мог помнить, но всё равно по ней скучал.

Не по конкретной женщине. По самой маме - той, которая должна приезжать, приносить сладкое, обнимать и гладить

по голове.

Иногда Антошка брал картонный телефон и звонил:

- Алло, мам? Торт привези. И вафли.

Потом делал вид, что слушает ответ, и ещё немного разговаривал с куском картона.

Со стороны это выглядело смешно: взрослый мужик звонит по картонному телефону и заказывает торт. А потом вспоминалось, что настоящей маме он не мог позвонить никогда, и смешно становилось как-то не до конца.

Иногда он подходил ко мне и просил:

- Обними.

Я обнимал.

- По голове.

Гладил по голове.

В такие моменты особенно трудно было помнить, что ему двадцать семь.

Мы подкармливали его сладким.

Разговаривали.

Пытались чему-нибудь научить.

Другие парни помогали ему писать. Я решил выучить с ним стихотворение.

Выбрал произведение, соответствующее нашим педагогическим возможностям:

- Села муха на варенье. Вот и всё стихотворенье.

Сначала Антошка повторял отдельные слова.

Потом путал порядок.

Муха могла сесть на стихотворенье, а варенье внезапно становилось финалом.

Но через некоторое время он рассказал всё целиком.

Без подсказки.

Я испытал такую гордость, будто подготовил лауреата литературной премии.

После этого водил Антошку по отделению.

- Наташа, послушай, что он выучил.

- Галя, Антошка сейчас стих расскажет.

- Давай, Антох, начинай.

И он рассказывал:

- Села муха на варенье. Вот и всё стихотворенье.

Сотрудники хвалили.

Антошка улыбался.

А я каждый раз радовался так, будто стих становился длиннее.

Возможно, именно тогда во мне окончательно шевельнулась мысль, что я мог бы работать с такими людьми.

Маленький навык, который для другого человека ничего не значил, для Антошки превращался в событие.

И мне нравилось быть рядом в момент, когда у него получилось.

Характер у него при этом не был ангельским.

Антошка воровал вещи.

Закатывал истерики.

Мог налететь на соседа по палате, если ему не давали же-

лаемое.

Иногда доводил окружающих до состояния, когда даже самые добрые люди вспоминали весь запас ненормативной педагогики.

Ещё Антошка великолепно изображал перфоратор.

Он брал картонный инструмент, приставлял к стене и начинал работать.

Звук был настолько достоверным, что человек из соседней палаты мог решить, будто в отделении начался капитальный ремонт.

Кроме перфоратора в его профессиональный набор входили кисть маляра и инструменты каменщика.

Большой Лёха пообещал взять его на стройку.

- Будешь у меня работать.

Антошка оживился.

- Бригадиром, да?

- Конечно, бригадиром.

С этого момента должность была определена.

Иногда Антошка подходил ко мне, прижимал нос почти к щеке и говорил:

- Но боли.

Я сразу понимал:

- Нос болит?

- Да.

Хрящ у него был очень мягким, будто почти отсутствовал. Антошка постоянно давил на нос пальцами, складывал его в

сторону, а потом жаловался.

- Не трогай нос, и болеть не будет.

Он кивал.

Сразу после этого прижимал к голове ухо.

- Ухо болит.

- Антош, не трогай ухо.

Он отпускал.

Через несколько секунд снова начинал.

Объяснение было простым, но его действие почему-то не распространялось дальше ближайшей минуты.

Долгое время я продолжал думать об Антошке как о подростке.

Потом узнал, что ему двадцать семь.

Эта цифра изменила всё.

У ребёнка впереди есть взросление.

Школа.

Работа.

Отдельная жизнь.

Антошка уже был взрослым.

Никакого большого скачка, после которого он догонит остальных, скорее всего, не случится.

Он мог скучать по маме, которой никогда не видел.

Бояться.

Злиться.

Просить обнять.

Но вряд ли был способен до конца понять собственное

положение и тем более выбрать способ прекратить его.

У меня выбор был.

Даже трагический и неправильный, но был.

У Антошки не было и этого.

Перед выпиской я отдал ему второй красный носок.

Он взял его, прижал к себе и сразу спросил:

- На стройку пойдём?

- Пойдёшь, Антох. Бригадиром.

Он довольно кивнул.

Форма была выдана.

Оставалось только дожидаться стройки.

Глава 3. Денис

В отделении встречались достаточно противоречивые личности.

К предыдущим героям этой книги я испытывал сострадание.

Понимание.

Жалость.

Иногда нежность.

Иногда желание помочь.

Следующий герой вызывал у меня в основном раздражение.

Денису было около двадцати лет.

Какое-то психическое расстройство у него, безусловно, имелось.

Но основной его проблемой было то, что он был долбоёбом.

Именно долбоёбом.

Я долго пытался подобрать более литературное слово.

«Неприятный человек».

«Навязчивый».

«Эгоцентричный».

«Человек со сложным характером».

Всё это было правдой.

Но недостаточно точной.

Долбоёб.

В своём поведении и общении с людьми Денис постоянно пытался выделиться.

Он начинал разговоры, которые никому не были интересны.

Рассказывал о вещах, о которых его никто не спрашивал.

Старался создать вокруг себя ощущение большой и необычной биографии.

Когда-то он был блогером.

Потом наркоманом.

Потом звездой Ютуба.

Потом музыкантом.

Возможно, кем-то ещё.

Причём иногда всё это происходило одновременно.

Поначалу возникал естественный вопрос: как человек к двадцати годам успел прожить столько жизней?

После более продолжительного общения вопрос исчезал.
Не успел.

Просто рассказывал.

Чем больше Денис говорил о своих достижениях, тем сильнее становилось видно, насколько он посредственен во всём, чем якобы занимался.

Не потому, что я сам был великим блогером, музыкантом или специалистом по наркотической карьере.

Просто человек, который действительно что-то умеет, обычно способен хотя бы немного рассказать о самом деле.

Денис рассказывал в основном о себе внутри этого дела.

Не о музыке.

О том, что он музыкант.

Не о видео.

О том, что он блогер.

Не о какой-то конкретной истории.

О том, что у него были истории.

Его главной специальностью было производство собственной значительности из ничего.

Кроме этого, у Дениса имелось несколько устойчивых привычек.

Во время приёмов пищи он крутился возле столовой и пытался добыть добавку.

Когда люди выходили после передач, он стоял неподалёку и просил его чем-нибудь угостить.

Когда кого-то выписывали, Денис уговаривал оставить

ему продукты.

Неважно, дружил он с человеком или впервые решил вступить с ним в социальный контакт за пять минут до выхода.

Я, например, перед выпиской переписал свои передачи на Никиту.

Мы общались.

Дружили.

Для меня это было естественно.

Денис же мог подойти к совершенно случайному человеку и начать выяснять, не желает ли тот оставить после себя небольшое материальное наследство.

Он просил сигареты.

Требовал разрешить ему прогулку в день, когда прогулка ему не полагалась.

Мог зайти в палату с идиотским вопросом, задать его, получить ответ и продолжить стоять, будто теперь уже мы должны были придумать, зачем он пришёл.

При этом Денис не был агрессивным.

Не нападал.

Не устраивал особенно серьёзных конфликтов.

Не нарушал порядок так, чтобы его приходилось ловить по коридору.

Он просто бесил.

По-человечески.

Последовательно.

Профессионально.

В отличие от Саши с его роботами или Антошки с картонным перфоратором, Денис напоминал мне людей, которых я встречал и за пределами больницы.

Поэтому отделить его заболевание от характера у меня не получалось.

Когда человек слышит голоса, ты понимаешь: это болезнь.

Когда человек после инсульта не может произнести слово, ты ждёшь.

Когда взрослый мужчина ведёт себя как ребёнок, потому что по-другому не умеет, ты стараешься относиться к нему бережно.

А когда кто-то просто лезет к каждому за едой, сигаретами и вниманием, очень трудно каждый раз напоминать себе, что ты находишься в медицинском учреждении.

Вишенкой на торте стала стрижка.

Обычно людей стриг Никита.

Но в какой-то момент у него началась аллергия на перчатки, и я его заменил.

К тому времени я уже успел побрить несколько человек налысо и начал чувствовать себя человеком, которому опасно доверили машинку.

Денис носил на голове что-то похожее на афро.

Я предложил подстричь и его.

Не знаю, как правильно называлась причёска, которую я пытался создать.

Что-то между полубоксом, асимметрией и результатом несогласованной работы нескольких районных парикмахерских.

Профессиональным цирюльником я не был.

Это было заметно.

У Дениса остались некоторые неровности.

Возможно, отдельные участки головы существовали в разных стилистических направлениях.

Но в целом получилось вполне прилично.

Мы переглянулись.

Посмотрели на его не совсем ровную голову.

И дружно заверили Дениса:

- Вот теперь ты точно похож на человека.

Он остался доволен.

А на следующий день решил, что действительно стал другим человеком.

Не образно.

Не в смысле поднявшейся самооценки.

А практически официально.

Сначала Денис написал список того, что хочет успеть до тридцати лет.

Само по себе это было неплохо.

Люди постоянно составляют подобные списки.

Выучить язык.

Начать путешествовать.

Записать альбом.

Прыгнуть с парашютом.

Перестать просить у незнакомых людей печенье после передач.

Но Денис воспринял этот список как документ, подтверждающий полное внутреннее перерождение.

У него имелась новая причёска.

Имелся список.

Следовательно, лечение было завершено.

На следующий день после стрижки он начал требовать у лечащего врача выписку.

Денис всё осознал.

Изменился.

Стал другим человеком.

Во-первых, постригся.

Во-вторых, составил список.

Какие ещё доказательства требовались медицинской комиссии, оставалось непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.